

ЧЕМУ УЧИТ ПРАХ

Славой Жижек

Славой Жижек — известный словенский философ и теоретик культуры, профессор Института социологии Университета Любляны, приглашенный профессор Университета Мичигана и Новой школы социальных исследований (Нью-Йорк), президент люблянского Общества теоретического психоанализа и Института социальных исследований (Словения)

Многие из нас четко понимают, почему они боятся летать самолетами: трудно ужиться с мыслью, как много всяких шуток должно работать в таком сложном механизме, как современный авиалайнер. Сломается какая-нибудь шестеренка, и весь самолет рухнет на землю. При мысли об этом охватывает дикий, безотчетный ужас.

Не то же ли самое испытывала вся Европа на протяжении последних недель? Облако от исландского вулкана полностью застопорило воздушное сообщение над целым континентом, и это лишний раз напоминает, что **человечество — всего лишь один из многих видов живых существ на планете Земля.**

Катастрофизм социально-экономических последствий этого мелкого, по сути, происшествия объясняется успехами техники: лет сто назад подобное извержение осталось бы незамеченным. **Благодаря технике, мы становимся более независимыми от природы — и, одновременно, все больше зависим от ее капризов.** В свое время, вступив на поверхность Луны, Нейл Армстронг сказал: «Маленький шаг для человека, и огромный — для человечества». Сегодня мы вправе сказать: «Такой маленький шаг *назад* для природы, и такой огромный — для человечества».

Первое, чему научил нас вулкан: наша свобода и власть над природой, самое наше выживание, зависят от целого ряда постоянных природных параметров, которые мы воспринимаем как данность. **Тот факт, что человечество становится тектоническим фактором, означает начало новой геологической эры, которую ряд ученых уже окрестил «антропоценом».** В итоге даже такие проявления стихии, как землетрясения, приходится отнести к числу феноменов, испытывающих влияние человеческого фактора.

Извержение вулкана лишний раз напоминает, что не все экологические проблемы можно

дикие и непредсказуемые катастрофы. Перед ее жестокими капризами мы совершенно беззащитны. Нет никакой доброй Матушки-Природы. Мы не нарушаем ее баланс, но лишь делаем жалкие попытки его поддерживать. И всего забавнее, что в случае с вулканами опасность исходит из глубины Земли, а не откуда-нибудь из космоса.

Следующий урок имеет отношение к временному фактору. Больше всего нас пугает перспектива, что вулкан так и будет извергать пепел — может быть, еще долгие месяцы, а то и годы. Для нас, на Западе, травма — это, как правило, кратковременное, хотя и болезненное нарушение нормального ритма жизни (теракт, грабеж, изнасилование, землетрясение или торнадо). Но ведь есть люди, для которых травма — это обычное состояние, так сказать, образ жизни. Например, в странах, где бесконечно ведутся войны, вроде Судана или Конго. Их жителям негде спрятаться от травмирующих переживаний. То, от чего эти люди страдают, называть «*пост*-травматическим» синдромом терминологически некорректно. Самое ужасное в их положение — это **перманентный** характер травмы.

Опасности подстерегают нас на каждом шагу, и мы надеемся, что ученые помогут с ними

Современные угрозы больше не носят преимущественно внешний (природный) характер — их порождает человеческая деятельность. Наука одновременно выступает и одним из источников угрозы, и единственным средством понять и определить ее сущность, и средством с этой угрозой справиться

объяснить тем, что мы нарушаем природное равновесие на Земле. Природа по сути своей хаотична, склонна устраивать самые

справиться. Но проблема в том, что эксперты, которые должны знать спасительные решения, на самом деле их не знают. Экспан-

сия научного мировоззрения в нашем обществе демонстрирует два неожиданных свойства: мы все больше и больше полагаемся на мнение экспертов даже в таких сферах, как секс и религия, но при этом само научное знание распадается на множество непоследовательных и противоречивых дискурсов. На смену платоновской диалектике плюрализма мнений и единственно-возможной объективной научной истины приходит столкновение бесконечного числа взаимоисключающих «экспертных оценок». И как всегда, подобная универсализация содержит в себе элемент возвратности.

Современные угрозы больше не носят преимущественно внешний (природный) характер — их порождает человеческая деятельность, которую наука буквально пронизывает (ср. влияние промышленности на экологию, бесконтрольных генетических опытов — на психику и т.д.). Ведь не секрет, что «увидеть» в небе «озоновую дыру» могут только учёные. Вагнеровское *«Die Wunde schließt der Speer nur, der Sie schlug»* («исцелить рану может только копьё, эту рану нанесшее») приобретает новый смысл. Наука одновременно выступает и одним из источников угрозы, и единственным средством понять и определить ее сущность, и средством с этой угрозой справиться. Даже возлагая вину за глобальное потепление на технологическую, — а значит, и научную — цивилизацию, мы все равно не можем без помощи этой самой науки определить масштабы угрозы.

грязнить окружающую среду, сколько ископаемых можем сжечь, сколько ядовитых веществ не представляют угрозы для нашего здоровья. Или: сколько иностранцев наше общество может интегрировать, не рискуя утратить самобытность.

ным символическим вмешательством в реальность. Откуда мы знаем, что уровень сахара в крови, предписываемый врачами, действительно правильный?

Придется радикально пересмотреть концепцию национального суверенитета и вывести на новый уровень сотрудничество в глобальном масштабе. Стоит вернуться к четырем пунктам, которые Ален Бадью называет «вечной Идеей» революционно-эгалитарной справедливости

Демонстрацией бессилия науки служат так называемые «предельные значения»: сколько еще мы можем «безопасно» за-

В силу непрозрачности ситуации, любое «предельное значение» носит отчасти фиктивный характер, являясь произволь-

Из ограниченности нашего знания вовсе не следует вывод, что угрозу экологии не стоит преувеличивать. Наоборот, мы должны относиться к окружающей среде еще более бережно, поскольку ситуация оказывается глубоко непредсказуемой. Тот факт, что в последнее время проблема глобального потепления стала вызывать некоторые вопросы, вовсе не означает, что дела идут совсем не так плохо. Наоборот, это значит, что ситуация оказалась еще менее предсказуемой, чем мы полагали, а социальный

и природный факторы переплелись в ней неразрывно.

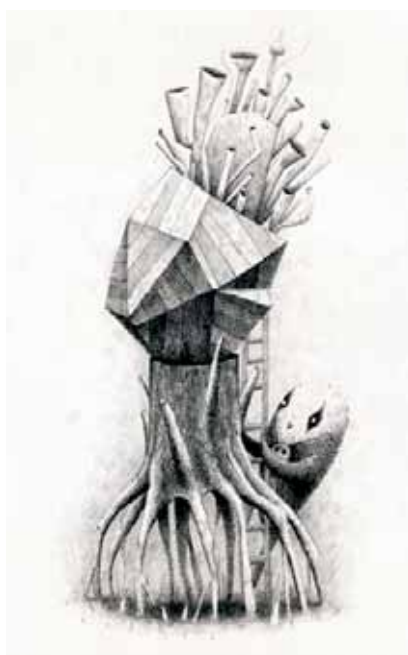
Из теории познания по Рамсфельду можно узнать много любопытного. В марте 2003 тогдашний министр обороны США Дональд Рамсфельд решил пофилософствовать относительно связи между познанным и непознанным: «Есть известное известное. Это то, о чём мы знаем, что мы о нём знаем. Есть известное неизвестное. Иначе говоря, то, о чём мы знаем, что мы о нём не знаем. О нём мы не знаем, даже что о нём не знаем». Что он забыл упомянуть — это о ключевое четвертое понятие: «неизвестное известное» — то, о чём мы не знаем, что знаем. Знаменитое Фрейдово бессознательное — «знание о том, что не знает самого себя», как любил говорить Лакан. Если Рамсфельд, думает что главные опасности в столкновении с Ираком заключались в «неизвестном неизвестном» — в угрозах, исходивших от Саддама, о возможности которых мы даже не подозревали — то мы возразим: главные угрозы таятся как раз в сфере «неизвестного известного» — в отвергнутые мнения и предположениях, в собственной приверженности которым мы не отдаем себе отчёт. Применительно к экологии речь идёт о том, что мешает нам поверить в принципиальную возможность катастрофы — и следовательно переходит в область «неизвестного неизвестного».

Сегодня угроза экологической катастрофы ставит перед нами дилемму. Либо мы воспринимаем ее серьезно и принимаем какие-то меры — и тогда, если все как-нибудь обойдется, мы будем выглядеть глупо. Либо мы ничего не делаем — и теряем все, если катастрофы все-таки произойдут. Хуже всего в этой ситуации ограничиться полумерами — тогда мы окажемся в проигрыше при любом развитии событий.

Главный урок, который нам необходимо усвоить, состоит в том, что человечество должно готовиться вести более «гибкий», кочевой образ жизни; что

локальные или глобальные перемены в окружающей среде могут поставить перед необходимостью неслыханных ранее крупномасштабных социальных перемен. Допустим, чудовищное вулканическое извержение делает Исландию непригодной для жизни: куда поедут исландцы? На каких условиях? Следует ли предоставить им участок земли — или просто рассеять по разным странам?

Что, если север Сибири станет более пригодным для жизни и сельского хозяйства, а большие территории Африки к югу от Сахары пересохнут, — как будет организован обмен населением?

Когда подобные вещи случались в прошлом, социальные перемены принимали дикий, неконтролируемый характер, сопровождались насилием и разрушениями. В современных условиях подобный сценарий был бы катастрофическим — поскольку оружие массового уничтожения доступно всем странам. Одно очевидно: **придется радикально пересмотреть концепцию национального суверенитета и вывести на новый уровень сотрудничество в глобальном масштабе.** Тем более, что новые климатические условия, недостаток воды и энергоносителей неизбежно приведут к радикальным переменам в экономике и потреблении. И как их прикажете проводить?

Здесь стоит вернуться к четырем пунктам, которые Ален Бадью называет «вечной Идеей» **революционно-эгалитарной справедливости.** От нас требуется:

— последовательная *эгалитарная справедливость*: все люди платят одну цену в интересах глобального самоограничения. Иначе говоря, во всем мире будут установлены единые нормы энергопотребления, эмиссии двуокиси углерода и так далее. Развитым государствам не будет позволено отравлять окружающую среду в таких объемах, как сегодня, и при этом обвинять страны «третьего мира» (например, Бразилию или Китай) в том, что они своим опережающим развитием разрушают нашу общую природу;

— *террор*: безжалостное наказание всех, кто угрожает безопасности общества, включая жесткие ограничения либеральных «свобод» и всеобъемлющий технологический контроль;

— *волютаризм*: угрозе экологической катастрофы можно противопоставить только крупномасштабные коллективные решения, принятые вразрез со «спонтанной» внутренней логикой капиталистического развития. Задача, как отмечал Вальтер Беньямин, состоит не в том, чтобы способствовать реализации исторической необходимости, но в том, чтобы «остановить поезд» истории, который несется к обрыву глобальной катастрофы;

— и последнее. Все вышеназванное опирается *на доверие к народу*: ставка делается на то, что огромное большинство людей поддержит эти жесткие меры, солидаризируется с ними, и будет готово участвовать в их проведении. Не стоит опасаться возрождения и такого элемента эгалитарно-революционной справедливости, как «доносительство».

Когда-то мы называли все это коммунизмом. ■

Специально для РЖ